

УДК 94(4)"375/1492"

ПАНДЕМИЯ ЧУМЫ СЕРЕДИНЫ XIV В. В ЕВРОПЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Колганова В. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: vika.kolganova.98@mail.ru*

«Черная смерть» – пандемия чумы, охватившая Европу в период с 1346–1352 гг. Главной задачей исследования стал историографический анализ научной литературы, посвященной этому историческому феномену, а также выявление актуальных проблем его изучения. Анализируемые работы классифицированы на две группы. Первую категорию составляют естественно-научные исследования, в первую очередь медицинские. Вторая группа включает монографии и научные статьи исторической направленности. Последние, в свою очередь, разделены на обобщающие исследования и работы регионального характера. Историографический анализ позволил выделить ряд нерешенных вопросов изучения пандемии середины XIV вв. Во-первых, в специальной литературе до сих пор не сформировалось общепринятое значение термина «Черная смерть». Следующей проблемой является неравномерная степень изученности в разных регионах Европы, Азии и Северной Африки, связанная с дефицитом письменных источников. Прямым следствием этой проблемы является низкая степень достоверности подсчетов количества жертв «Черной смерти» в отдельных регионах. Потенциальным источником объективных данных об уровне смертности могли бы стать археологические исследования средневековых кладбищ, однако, эта группа материалов на текущем этапе исследований пандемии находится на стадии накопления.

Ключевые слова: Европа, XIV в., «Черная смерть», пандемия, историография.

Эпидемия чумы середины XIV в. в Европе, получившая в историографии образное наименование «Черная смерть», признается исследователями событием большой исторической важности. В течение 1346–1352 гг. эпидемия охватила значительную часть средневековой ойкумены. По разным оценкам, население Европы сократилось на 30–50%, спровоцировав значительные социально-экономические и культурные перемены на континенте. Только к началу XVI в. последствия пандемии чумы были окончательно ликвидированы, и численность населения Европы приблизилась к количественным показателям XIV в.

Данная работа представляет собой попытку анализа степени изученности пандемии «Черной смерти» в разных регионах ее распространения и выявление актуальных проблем исследования этого исторического феномена. Научные исследования, специально посвященные чуме середины XIV в., можно разделить на две группы. В работах первой группы «Черная смерть» анализируется с точки зрения, естественных наук, в первую очередь, медицины. Сочинения второй группы рассматривают ее в качестве исторического явления.

---

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

Медицинские исследования. Впервые проблематика «Черной смерти» была затронута российским медиком А. Ф. Шафонским в работе «Описание моровой язвы», написанной в 1774 г., вскоре после московской чумы 1770–1772 гг. Анализируя симптомы и масштабы смертности, вызванной современной ему вспышки чумы, автор отмечает их сходство с эпидемией середины XIV в. на Руси, известной ему по летописным данным. Источником появления чумы А. Ф. Шафонский считал регионы с жарким и влажным климатом, в частности, Турцию. К основным симптомам заболевания исследователь отнес головную боль, ломоту, помутнение, покраснение глазных яблок, озноб, жар, тошноту, слабость, припадки, появление пятен на коже и опухолей-бубонов. Наиболее действенными методами лечения чумы, по его мнению, были укусовые компрессы и окуривание ягодами можжевельника. Главной мерой борьбы с распространением заболевания А. Ф. Шафонский считал помещение больных в карантин на срок от 6 до 40 дней [24, с. 5–22].

Автор многотомной «Истории медицины в России», профессиональный врач В. М. Рихтер считал чуму середины XIV в. самой масштабной эпидемией в истории человечества. По его мнению, «Черная смерть» началась в Астрахани и оттуда распространилась по всей Европе. Затем, обогнув континент, в 1352 г. болезнь вернулась на Восток и охватила территорию Руси. По оценке В. М. Рихтера, основанной на сведениях Никоновской летописи, смертность в русских княжествах составляла 70–100 человек в день [10, с. 176–191].

По мнению автора монографии «История поварных болезней», немецкого исследователя Г. Гезера, возможным районом зарождения чумы являлись Индийские Гималаи, где им были зафиксированы вспышки заболеваний со схожей симптоматикой. Следует отметить, что он одним из первых акцентировал внимание на сведениях хроники Габриэля де Мюсси «Incipit Ystoria de Morbo sive Mortalitate que fuit anno Domini MCCCXLVIII» о роли крупных торговых портов Северного Причерноморья, Кафы и Таны, в распространении «Черной смерти» [2, с. 121–154].

Значительный вклад в изучение чумы внесли исследования немецкого эпидемиолога, профессора Берлинского университета, А. Хирша, посетившего Астраханскую губернию Российской империи во время вспышки легочной чумы 1878–1879 гг. В опубликованной в 1880 г. монографии исследователь отметил сходство эпидемии, очевидцем которой он стал, с «Черной смертью» середины XIV в. Основными причинами распространения болезни он считал климатические факторы и миграции грызунов-переносчиков заболевания. По мнению А. Хирша, впервые чума проникла в Европу в XII в., вместе с крысами на кораблях крестоносцев [43, с. 118].

Своеобразным подведением итогов изучения чумы до начала XX в. стала монография российского врача Я. Б. Эйгера «История и современное состояние вопроса о бубонной чуме». Работа, по сути, представляющая собой медицинское исследование, снабжена пространной исторической справкой, в которой автор перечисляет все известные ему вспышки чумы. Исследователь отнес «Черную смерть» к крупнейшим эпидемиям в истории человечества. Главными ее причинами

стали климатические изменения, стихийные бедствия и последовавший за ними голод [25, с. 1–7]. Впервые в историографии Я. Б. Эйгер привел данные об общем количестве жертв чумы середины XIV в., основанные на сведениях из буллы папы Климента VI. По его мнению, в Европе за время эпидемии умерло около 24 миллионов человек, составлявших почти треть населения региона [25, с. 9].

В 1894 г. в изучении чумы как клинического заболевания произошел прорыв. Во время эпидемии в Гонконге бактериологами А. Йерсином (Франция) и С. Китасато (Япония) была выявлена бактерия *Yersenia Pestis*. Это открытие стало отправной точкой для зарождения контагиозной теории происхождения чумы, заключавшейся в том, что ключевую роль в возникновении очагов ее заболевания играл природный возбудитель [20, с. 107].

Открытие *Yersenia Pestis* стало своеобразным рубежом не только в борьбе с чумой, но и в истории изучения эпидемии середины XIV в. В исследованиях медицинской направленности, появившихся до этого события, исторические данные о «Черной смерти» обычно привлекались для решения вопросов возникновения, распространения и предотвращения вспышек чумы. Выявление возбудителя заболевания снизило необходимость во внимательном изучении «опыта прошлого». В дальнейшем, исторические разделы в посвященных чуме научных работах медицинской направленности имели скорее справочный характер и основывались на данных специальных исторических исследований.

Исторические исследования. Вплоть до середины XX в. «Черная смерть» 1346–1352 гг. не становилась предметом специальных исторических исследований. События эпидемии рассматривались в общем контексте истории отдельных регионов. К реконструкции событий эпидемии середины XIV в. на Руси одним из первых обратился выдающийся российский историк Н. М. Карамзин. По его мнению, очагом возникновения болезни был Китай, откуда в 1346 г. чума проникла на территорию Улуса Джучи. Н. М. Карамзин первым отметил ключевую роль Крымского полуострова в распространении «Черной смерти» на запад, в Европу, откуда она к 1352 г. вернулась на территорию Руси [7, с. 270–271]. На основании летописных данных, автор дает характеристику развития заболевания: кровохарканье, появление бубонов, смерть в течение 2–3 дней [7, с. 271].

Использованные Н. М. Карамзиным сведения русских летописей о симптомах и распространении мора середины XIV в. в краткой форме повторил С. М. Соловьев. Следует отметить, что он первым акцентировал внимание на тяжелом психологическом состоянии современников «Черной смерти», искавших спасение в религии. Во время эпидемии участились случаи жертвований имущества в пользу церкви и ухода в монастыри [12, с. 1221–1222].

В 1842 г. профессор университета Бреслау А. Хеншел опубликовал найденный им документ, оказавшийся ключевым источником для изучения путей распространения чумы с востока на запад [42, с. 45–57]. Этот документ представлял собой хронику, написанную итальянским юристом Габриэле де Мюсси, находившимся в Кафе во время ее осады войсками золотоордынского хана Джанибека в 1346 г. В армии осаждающих произошла вспышка чумы. По сведениям

де Мюсси, войска Джанибека с помощью катапульта бомбардировали Кафу телами умерших от чумы, в результате чего болезнь охватила и осажденный город. Из Кафы «Черная смерть» морским путем распространилась далее на запад, в торговые порты Средиземноморья [42, с. 45–57].

В 1884 г. текст сочинения де Мюсси был заново опубликован итальянским историком Г. Тонони вместе с некоторыми фактами биографии автора. Ученый поставил под сомнение вывод А. Хеншеля о том, что де Мюсси был непосредственным очевидцем этих событий. Г. Тонони были найдены документы, составленные и подписанные итальянским юристом в период с 1344 по 1346 гг. в Пьяченце. По его мнению, сведения о чуме в Крыму де Мюсси мог получить только от своих соотечественников – итальянских купцов, торговавших в Северном Причерноморье [55, р. 142].

Начиная со второй половины XX в., исследовательский интерес к эпидемии чумы 1346–1352 гг. резко возрастает. Появляется целая серия работ, специально посвященных этому событию и носящих как обобщающий, так и региональный характер. Одной из первых попыток реконструкции событий эпидемии в Европе стала монография британского историка Ф. Циглера «The Black Death», впервые опубликованная в 1969 г. [60]. Автор прослеживает распространение «Черной смерти» по всей территории Европы и Азии, восстанавливая хронологию событий [60, р. 36–109]. Особо отметим подробное описание пандемии на территории Англии [60, р. 110–217]. Завершающие разделы монографии посвящены последствиям эпидемии в различных сферах жизни населения средневековой Европы. В течение первых трех лет эпидемия унесла жизни почти трети населения Европы [60, с. 218–225]. По мнению Ф. Циглера, чума стала не только причиной, но и катализатором многих социальных и экономических изменений на континенте [60, р. 227–244]. Исследователь одним из первых отметил значительное снижение влияния церкви, оказавшейся неспособной защитить свою паству от пандемии, которая воспринималась современниками как наказание за человеческие грехи [60, р. 154–259].

Особое значение в историографии «Черной смерти» имеет монография британской исследовательницы Р. Хоррокс, вышедшая в 1995 г [44]. Работа представляет собой сборник средневековых европейских текстов, содержащих сведения об эпидемии и переведенных на современный английский язык. Источники сгруппированы в три раздела. Первый из них содержит тексты, связанные с проникновением и распространением чумы в Западной и Центральной Европе [44, р. 3–92]. Второй раздел включает источники, отражающие восприятие эпидемии современниками [44, р. 95–226]. В заключительной главе приведены тексты, отражающие последствия «Черной смерти» для Европы [44, р. 229–351]. Каждый раздел сопровождается комментариями автора.

Нужно отметить, что структура монографии Р. Хоррокс в целом отражает текущую ситуацию с нарративными данными о «Черной смерти». История эпидемии в разных регионах Европы в источниках отражена неравномерно. Например, работа Р. Хоррокс содержит 19 средневековых текстов, отражающих

распространение чумы на Британских островах [44, р. 62–92], при полном отсутствии источников о чуме на территории современной Германии и скандинавских стран. В работе также не отражены события эпидемии в Восточной Европе и в Византии, известные по хроникам Иоанна Кантакузина, Никифора Григоры, письмам Димитрия Кидониса. Тем не менее, монография Р. Хоррокс остается одним из наиболее полных собраний средневековых письменных источников об эпидемии чумы середины XIV в. в Европе.

Данные о «Черной смерти», накопленные историками к концу XX в., были обобщены немецким исследователем К. Бергдольтом, опубликовавшим в 2000 г. монографию «Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters» [30]. В работе реконструированы события эпидемии в Европе, включая менее изученные восточную и северную части континента. Особый интерес представляют главы, посвященные влиянию «Черной смерти» на эволюцию института христианской церкви [30, s. 162–171], средневековой медицины [30, s. 172–178], живописи и литературы [30, с. 207–222]. Вслед за Ф. Циглером, К. Бергдольт подчеркнул резкое снижение авторитета христианских священников и, в первую очередь, высшего католического духовенства, избегавшего контактов с зараженными больными или требовавшего высокую плату за свои услуги [30, s. 166]. Отметим, что немецкий исследователь одним из первых выделил рост антисемитских настроений в обществе в качестве одного из последствий эпидемии [30, s. 119–145]. На росте количества еврейских погромов в разгар эпидемии в Западной Европе также акцентировал внимание шведский историк Д. Харрисон [41].

Наиболее подробной реконструкцией событий «Черной смерти», на сегодняшний день, можно с полным основанием считать фундаментальную монографию норвежского исследователя У. Бенедиктова «The Black Death 1346–1352: The Complete History» [29]. Один из разделов его исследования, посвященный непосредственно развитию эпидемии середины XIV в., структурирован в хронологическом порядке, в соответствии с основными этапами распространения заболевания. Кроме традиционных для предшествующих обобщающих исследований «Черной смерти» регионов (Англия, Франция, Испания, Италия), в работе У. Бенедиктова предпринята попытка реконструкции развития эпидемии в Германии, странах Восточной и Северной Европы, в Северной Африке, Малой Азии и на Ближнем Востоке [29, р. 57–67, 146–178, 185–202, 211–215].

Анализируя данные о жертвах эпидемии чумы середины XIV в., У. Бенедиктов акцентировал внимание на ряде важных методологических аспектов. Во-первых, сведения исторических хроник о количестве умерших от чумы, чаще всего, завышены для достижения драматического эффекта и поэтому требуют критического отношения [29, р. 257]. Во-вторых, налоговые ведомости, чаще всего, используемые при подсчете уровня смертности, как правило, учитывают только взрослых мужчин, имеющих уровень доходов, достаточный для уплаты налогов. Подобные источники не учитывают неимущие слои населения [29, р. 258–262]. В-третьих, степень смертности у разных возрастных и гендерных групп не была одинаковой. Согласно современным медицинским исследованиям, во время

вспышек чумы наивысший уровень смертности наблюдается среди детей и подростков [29, р. 266–267]. По собственным расчетам У. Бенедиктова, эпидемия «Черной смерти» и ее вторичные последствия (неурожаи, голод) стали причиной смерти около 60% населения Европы [29, р. 382–383].

Говоря о значении «Черной смерти» в истории средневековой Европы, У. Бенедиктов акцентирует внимание на социально-экономических последствиях эпидемии. Высокий уровень смертности стал причиной возникновения дефицита рабочих рук, что, в свою очередь, привело к улучшениям условий труда и снижению социального неравенства. Рост доходов населения спровоцировал спрос на дешевые потребительские товары, стимулировав их массовое производство. Потребность в квалифицированных кадрах стала причиной секуляризации высшего образования [29, р. 388–390].

В 2005 г. американский исследователь Д. Аберт опубликовал сборник средневековых источников об эпидемии чумы середины XIV в., переведенных автором на английский язык [27]. Документы сгруппированы по категориям, отражающим отдельные аспекты истории «Черной смерти»: происхождение чумы, симптомы болезни и ее распространение, реакция средневековых медиков, социально-экономические, культурные и психологические последствия эпидемии. Каждый раздел снабжен краткими комментариями автора. Необходимо отметить, что в сравнении с монографией Р. Хоррокс, Д. Абертом охвачен более широкий круг источников, в том числе, византийских и арабских. Особый интерес вызывают документы, отражающие восприятие эпидемии населением Европы: активизацию движения флагеллантов [27, р. 118–139] и рост антисемитизма [27, р. 139–159]. В 2020 г. Д. Аберт опубликовал обобщающее исследование, посвященное «Черной смерти» [28].

В современной российской историографии попытку оценить влияние «Черной смерти» на историю средневековой Европы предпринял А. Г. Еманов. В своей статье исследователь проанализировал данные одного из ключевых письменных источников о распространении чумы в середине XIV в. – хроники Габриэле де Мюсси [5, с. 50–52]. Оценивая историческое значение эпидемии, А. Г. Еманов акцентирует внимание на ее иррациональном восприятии современниками [5, с. 53–54].

Демографические последствия эпидемии середины XIV в. проанализированы американскими экономистами Р. Джедвабом, Н. Джонсоном и М. Коямой. Ими были собраны данные о смертности в это время в 274 регионах Европы [45, р. 7–9]. По сделанным расчетам, в период 1347–1352 гг. жертвами «Черной смерти» стали 40% населения континента [45, р. 33]. Количественные показатели восстановились лишь к началу XVII в. [45, р. 12].

Кроме рассмотренных исследований обобщающего характера, историография «Черной смерти» включает целый ряд работ, анализирующих ход и последствия эпидемии в отдельных регионах Европы. Среди государственных образований восточной части континента наиболее подробно изученной в этом смысле является Золотая Орда. Проблематику «Черной смерти» на территории Улуса Джучи одним

из первых затронул Н. Д. Руссев в монографии, посвященной городам междуречья Дуная и Днестра в конце XIII – XIV вв [11]. По его мнению, на территорию современной Молдавии чума проникла посредством торговых контактов из восточных регионов Золотой Орды. К ключевым факторам стремительного распространения заболевания Н. Д. Руссев отнес климатические особенности региона, низкий уровень санитарной культуры и скученную планировку расположенных здесь поселений. Менее пострадавшими оказались области с низкой плотностью населения, удаленные от торговых путей, такие как, например, горный массив Кодру [11, с. 54–55].

Важная роль золотоордынских территорий в распространении чумы отмечена в статье американского исследователя М. Вилиса, посвященной сообщению Габриэле де Мюсси об осаде Кафы ханом Джанибеком. Анализируя источник, исследователь отмечает два возможных пути проникновения чумы в осажденный город: вместе с зараженными трупами, брошенными в Кафу с помощью осадных орудий, или с грызунами, перемещающимися между Кафой и лагерем золотоордынской армии [58, р. 973]. По мнению М. Вилиса, Кафа была не единственным источником распространения «Черной смерти» на запад. Аналогичную роль сыграли другие генуэзские торговые фактории Северного Причерноморья [58, р. 974]. Описанную де Мюсси бомбардировку города чумными трупами М. Вилис охарактеризовал как один из первых в истории случаев применения «биологического» оружия [58, р. 974].

Событиям «Черной смерти» в Золотой Орде посвящен раздел коллективной монографии «Золотая Орда в мировой истории», подготовленный американским тюркологом Ю. Шамильоглу [22, с. 670–694]. К ключевым последствиям эпидемии исследователь отнес кризис института престолонаследования и, как следствие, политической системы, экономический спад, культурный и технологический упадок Улуса Джучи [22, с. 681–690].

Событиям эпидемии в Улусе Джучи и, в частности, в Крыму посвящен ряд работ Т. Ф. Хайдарова [13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21]. Основные результаты его исследований обобщены в изданной в 2018 г. монографии [20]. Следует отметить, что в отличие от западных историков, Т. Ф. Хайдаров под термином «Черная смерть» понимает не столько эпидемию чумы середины XIV в., а все пять волн этого заболевания, охвативших Золотую Орду в период с 30-х гг. XIV в. по 80-е гг. XV вв. [20, с. 295–300]. По его мнению, первыми проявлениями «Черной смерти» стали локальные вспышки чумы конца XIII – начала XIV вв [20, с. 183]. Сама же эпидемия на территории Улуса Джучи разразилась лишь около 1346 г., в результате проникновения носителей чумы посредством торговых путей из Хорезма и Тебриза [20, с. 191]. В дальнейшем, через генуэзские торговые фактории, болезнь начала свое продвижение на запад. Кроме генуэзского фактора исследователь предполагает наличие и иных путей распространения чумы. К ним Т. Ф. Хайдаров относит локальные вспышки заболевания [20, с. 194]. По его расчетам, жертвами эпидемии 1340–1350-х гг. в Улусе Джучи стали около 1 млн. человек [20, с. 195].

Нужно отметить, что Т. Ф. Хайдаров ошибочно связал с эпидемией чумы данные некоторых письменных источников. В частности, исследователь относит к византийской традиции описания «Черной смерти» поэму «Рассказ о городе Феодоро» иеромонаха Матфея. По его мнению, следуя тексту этого сочинения, весной-летом 1396 г. в столице княжества Феодоро, т.е. Мангупе, произошла эпидемия чумы. Поэтому описание многочисленных погибших в источнике необходимо связывать с ней [20, с. 34]. Этот вывод представляется не совсем логичным. В тексте поэмы имеются ясные указания на события, повлекшие за собой гибель жителей города. В строках №118–129 дано описание многолетней осады крепости Феодоро войсками «агарян», сопровождающиеся такими подробностями как голод и употребление в пищу домашних животных [20, с. 583]. Очевидно, многочисленные останки феодоритов, описанные Матфеем, связаны с боевыми действиями. Рассматривать их как жертвы эпидемии нет никаких оснований.

Важным событием в историографии «Черной смерти» на территории Улуса Джучи стала публикация материалов круглого стола «Экологический и эпидемический фактор в средневековой Евразии», проводившегося в рамках V Международного Золотоордынского Форума [26]. Сборник содержит ряд важных с точки зрения изучения эпидемии середины XIV в. работ. В статье С. А. Прокопенко проанализирована эволюция медицинских знаний о чуме [9, с. 7–17]. В статьях Ю. Шамильоглу, И. Л. Измайлова и Т. Ф. Хайдарова «Черная смерть» рассматривается в качестве одного из факторов, стимулировавших кризис второй половины XIV в. в Золотой Орде [23, 6, 13].

Среди материалов сборника особый интерес вызывает работа М. Гринберга, посвященная анализу сообщения Габриэле де Мюсси об осаде Кафы [4, с. 75–89]. Исследователь ставит под сомнение сведения источника о бомбардировке города телами умерших от чумы, подкрепляя свои выводы рядом убедительных аргументов. Первым из них является изолированный характер источника, а также отсутствие упоминания об этих событиях в других средневековых текстах. Вторым аргументом является хронологический разрыв между вспышкой чумы в Кафе в 1346 г. и ее появлением в итальянских городах в конце 1347 – начале 1348 гг. Кроме того, описанная де Мюсси бомбардировка Кафы, по мнению исследователя, является нетипичным для кочевых армий способом ведения войны [4, с. 77–79].

Ряд специальных исследований посвящен «Черной смерти» на территории Византии. В работе Ю. Шамильоглу рассмотрены события эпидемии на территории Анатолии, реконструируемые на основании византийских и арабских источников [51, р. 262–266]. По мнению исследователя, чума середины XIV в. стала одним из ключевых факторов, способствовавших росту политического и военного влияния в меньшей степени пострадавших от нее османов на фоне демографического кризиса в Византии и соседних бейликах [51, р. 269–273].

Первой и единственной в отечественной историографии работой, специально посвященной «Черной смерти» на территории Византии, является статья Т. В. Куш [8, с. 38–56]. События эпидемии 1347–1348 гг. и дальнейшие вспышки заболевания во второй половине XIV – первой половине XV вв. реконструированы на основании

данных письменных источников, в первую очередь, сочинений Никифора Григоры, Иоанна Кантакузина и Димитрия Кидониса. Исследователь рассматривает «Черную смерть» как одну из причин кризиса в империи в середине XIV в., в перспективе ускорившую ее падение [8, с. 46].

Истории «Черной смерти» в Византийской империи посвящена статья коллектива медиков из Афинского университета [56, р. 193–201]. Под этим словосочетанием в работе подразумевается не только эпидемия середины XIV в., но и последовавшие за ней вспышки чумы. Основываясь на данных письменных источников, исследователи выделили девять основных волн заболевания, полностью или частично охватывавших территорию Византии в период с 1347 по 1435 гг. Средняя продолжительность этих волн в XIV в. составляла 2,3 года, в XV в. – 4,2 года [56, р. 197]. Интересующая нас эпидемия 1347–1348 гг. стала наиболее крупной и охватила Константинополь, острова Эгейского моря и Кипр, Северную Грецию и Пелопоннес [56, р. 197]. В работе сформулирована ключевая проблема изучения чумы на территории Византии – отсутствие в письменных источниках сведений о демографических потерях империи [56, р. 199].

Ряд специальных работ посвящен «Черной смерти» на территории Апеннинского полуострова. Одним из важных исследований для этого региона стала статья В. Боуски, концентрирующаяся на эпидемии в Сиене. Его основой являются данные письменных источников различного характера, собранные автором в муниципальных и семейных архивах города. Особую роль играют сведения местного хрониста Аньоло ди Тура [33, р. 2–3]. Чума, проникшая в Сиену весной 1348 г., полностью парализовала экономическую и политическую жизнь города [33, р. 14]. Точная оценка демографических потерь невозможна в связи с отсутствием данных о населении Сиены в предшествовавший эпидемии период. В целом, отмечая значительное количество жертв чумы середины XIV в. в итальянских городах, В. Боуски подчеркивает слабую аргументацию исследователей, оценивающих смертность в диапазоне 40-60% [33, р. 16].

Попытку оценить вызванные «Черной смертью» демографические изменения в Италии на примере Флоренции предпринял А. Фальсини. По его расчетам, основанным на анализе городских хроник и налоговых регистров, за время эпидемии население города уменьшилось с 90 до 50 тысяч человек [37, р. 436]. Важным представляется вывод о последовавших за эпидемией экономических трансформациях в жизни города: разорении богатых семей и росте дохода низших социальных слоев, вызванном дефицитом на рынке труда [37, р. 449].

Оценка людских потерь в городах Апеннинского полуострова во время «Черной смерти» приведена в фундаментальном исследовании Л. Д. Панта, посвященном влиянию эпидемий на демографию Италии [50]. Отдельный раздел монографии концентрируется на последствиях эпидемии середины XIV в. [50, р. 130–163]. Анализ средневековых документов позволил исследователю сделать вывод о том, что уровень смертности в Италии в 1348 г. был в 20 раз выше, чем в предшествовавшие 12 лет [50, р. 115].

Тема «Черной смерти» и ее последствий затронута в монографии британского исследователя У. Кафферо, посвященной конфликту Флоренции с кланом крупных землевладельцев Убальдини [34]. Исследователь отмечает вызванные эпидемией трудности с распределением продовольствия и сбором налогов, падение доходов богатых горожан и рост номинальной заработной платы ремесленников и сельскохозяйственных рабочих [34, р. 22, 161].

Серия исследований посвящена «Черной смерти» на территории современной Испании. Влияние эпидемии на население королевства Наварра проанализировано в монографии Ф. Забало. Важным преимуществом работы являются выдержки из налоговых документов XIV в., наглядно демонстрирующие демографические изменения в регионе в середине этого столетия. Например, округ Адра перед «Черной смертью» насчитывал 160 домохозяйств, но к 1352 г. их осталось всего 13, то есть на 74% меньше. За тот же период в Тараделле данный показатель снизился со 111 до 38, то есть на 66% [59, р. 83].

Хронология событий и география распространения «Черной смерти» на Пиренейском полуострове реконструированы в работе А. Убьето. Начало эпидемии в регионе автор датирует 1348 г. [57, р. 50–51]. Ее распространение началось с крупнейших торговых городов – Перпиньяна, Барселоны, Таррагоны и Валенсии [57, р. 52–60]. В течение года чума охватила около 35% территории полуострова, при этом жители некоторых поселений избежали заражения [57, р. 47–66].

Эпидемия чумы и ее последствия для кастильской провинции Мурсии рассмотрены в монографии Х. Т. Фонтеса [38, р. 123–161]. Автор отмечает ограниченность сведений письменных источников о «Черной смерти» в Кастильском королевстве в сравнение с другими государствами Пиренейского полуострова [38, р. 123]. По данным исследователя, во время чумы Мурсия прекратила торговые и дипломатические контакты с регионами, в которых болезнь распространялась интенсивно. Анализируя хроники и королевские письма, Д. Т. Фонтес отмечает, что пик «Черной смерти» в провинции пришелся на апрель 1349 г. [38, р. 126]. Точная оценка демографических потерь Мурсии, по его мнению, невозможна ввиду отсутствия современных эпидемии переписей населения [38, р. 127].

Последствия эпидемии в Паленсии проанализированы в статье М. Х. Фуэнте [40, р. 415–432]. Исследователь отмечает, что при населении в 7 тысяч человек в день умирало до 100 человек [40, р. 421]. Последующие вспышки, по подсчетам автора, были менее смертоносными [40, р. 422]. Ограниченность источниковой базы не позволяет точно установить продолжительность эпидемии и уровень ее смертности в городе [40, р. 425].

Новую попытку оценки уровня смертности в результате эпидемии в Наварре предпринял П. Х. Монтеано [47, р. 87–120]. Исследователь отметил, что причинами демографической катастрофы были не только заболевание, но и сопутствующие факторы, такие как голод [47, р. 91]. Отмечая невозможность точного подсчета жертв эпидемии, автор указывает, что в течение 1347–1349 гг. в регионе умерло

около половины местного населения. По мнению П. Х. Монтеано, «Черная смерть» стала отправной точкой эпохи великих эпидемий в Наварре [40, р. 117–118].

Важным исследованием «Черной смерти» на территории современной Испании стала монография С. Р. де Лойзаги. По его мнению, эпидемия середины XIV в. сыграла ключевую роль в истории Европы, прервав стремительный рост населения континента, начавшийся на рубеже X – XI вв. [46, р. 11]. На Пиренейском полуострове чума появилась в 1348 г. и полностью исчезла лишь к 1720 г. [46, р. 9]. Жертвами «Черной смерти» стали около 30% населения. Сильнее всего пострадали портовые и торговые города, например, Марсель, где погибло около 60% жителей [46, р. 24]. В исследовании подчеркивается, что чума как заболевание была известна европейцам, но эпидемия середины XIV в. оказала сокрушительное влияние на их психику, по причине масштабов и стремительности распространения [46, р. 25].

Свой вариант оценки последствий «Черной смерти» в истории Испании предложил Г. Н. Франко. По его данным, жертвами эпидемии стали 20% населения Кастилии и Леона, 35% жителей Арагона, 60–65% каталонцев. Наиболее пострадавшим регионом является Наварра. Средний уровень смертности на Пиренейском полуострове, по оценке исследователя, оставил около 30% [39, р. 23]. При этом автор отмечает определенную условность своих подсчетов, основанных на налоговых ведомостях, а не на данных всеобщих переписей населения [39, р. 59]. По мнению Г. Н. Франко, наиболее точную оценку демографических потерь могли бы обеспечить данные археологических исследований, однако их накопленный к настоящему времени объем остается недостаточным для серьезных выводов [39, р. 47].

Влияние «Черной смерти» на экономическое развитие средневековой Испании рассмотрено в статье К. Альварез-Ногалья, Л. П. де ля Эскосура и К. Сантьяго-Кабальеро [48, р. 35–48]. Авторы отмечают, что «Черная смерть» стала причиной крупнейшего демографического кризиса в Европе. Однако, ее последствия в истории отдельных стран оказались различными. При относительно небольших демографических потерях Испании вызванный эпидемией кризис привел к интенсивному снижению доходов населения. В течение первых 100 лет после «Черной смерти» экономика Испании отставала от других европейских стран. Тем не менее, в долгосрочной перспективе вызванный эпидемией приток населения в города привел к развитию внутренней торговли и производства, что способствовало восстановлению экономики страны к 1470 г. [48, р. 45–46].

Ход и последствия «Черной смерти» для Западной Европы наиболее подробно прослежены на примере Англии. Этому способствовало значительное количество сохранившихся современных эпидемии письменных источников. Документы английского происхождения легли в основу отмеченной выше монографии Р. Хоррокс [44]. «Черной смерти» в Англии посвящен объемный раздел монографии Ф. Циглера [61]. Опираясь на данные так называемых «Францисканских хроник», он отмечает, что источниками проникновения чумы на территорию Британских островов стали крупные торговые порты, такие как Лондон и Веймут в графстве Дорсет [61, р. 97–98].

Важным с точки зрения изучения последствий «Черной смерти» в Англии является исследование Р. Палмера [49]. По оценке автора, в период с 1348 по 1351 г. жертвами чумы стали около трети населения государства [49, р. 3]. Анализируя юридические документы второй половины XIV в., он отмечает значительные изменения в английском государственном управлении. Необходимость преодоления вызванного эпидемией кризиса стала одним из факторов, определивших вектор политики Эдуарда III (1327–1377), направленной на усиление центральной власти. Опубликованный в 1351 г. «Статут о трудящихся» урезал права поместного дворянства, фактически снизив их роль до уровня представителей монарха на местах [49, р. 294].

Важное место в английской историографии «Черной смерти» занимает монография С. Борша [32]. Автором проведен сравнительный анализ последствий эпидемии середины XIV в. в Англии и Египте – двух странах, экономика которых базировалась на сельском хозяйстве и чьи уровни общего и аграрного валового внутреннего продукта до чумы были примерно эквивалентны [32, р. 25]. По мнению С. Борша, период после «Черной смерти» для обеих стран стал эпохой экономической депрессии [32, р. 65]. В долгосрочной перспективе Египет и другие страны Ближнего Востока остались в состоянии экономического упадка. В то же время вызванные эпидемией технологические и социальные инновации в Англии и соседних странах подготовили почву для доминирования Европы в последующие столетия [32, р. 113–117].

Особого внимания заслуживает монография С. Барни [53]. Наряду с данными письменных источников, для анализа демографических последствий «Черной смерти» исследователь привлекает материалы раскопок городских кладбищ Лондона. По оценке автора, в период с февраля по апрель 1349 г. на кладбище Святой Троицы хоронили от 20 до 30 человек в день, а на некрополе Западном Смитфилда эта цифра достигала 200. При этом более трети погребений принадлежало детям или подросткам [53, р. 94–95]. Отмечая сложность точных подсчетов уровня смертности, С. Барни предполагает, что жертвами эпидемии стали не менее 20 тысяч жителей Лондона [53, р. 108].

В сравнение с эпидемией в Англии, «Черная смерть» в других странах Западной Европы практически не становилась предметом специального изучения. Нам не известны подобные исследования для истории середины XIV в. в Германии, Нидерландах и Бельгии. Единственной оказавшейся доступной работой, затрагивающей ход эпидемии во Франции, является монография Ж. Н. Бирабена [31]. Исследователь отметил ключевую роль морских и речных торговых путей в проникновении чумы в регион [31, р. 5]. По его мнению, в середине XIV в. во Франции преобладала бубонная форма заболевания, темпы распространения которой снижались в холодное время года [31, р. 86].

Помимо работ, концентрирующихся на событиях «Черной смерти» в отдельных частях Европы, существует ряд исследований, посвященных эпидемии в сопредельных регионах. Вопрос проникновения чумы в Марокко затронут в статье французского исследователя Ш. Э. Дюфорка [36, р. 39–66]. По его мнению, «Черная

смерть» проникла сюда весной 1348 г., через охваченные эпидемией торговые порты Майорки и южной Испании [36, р. 52–54].

Фундаментальный характер имеет монография американского исследователя М. Долса, посвященная «Черной смерти» на Ближнем Востоке [35]. Основу исследования составили арабские письменные источники, главным образом, египетского и сирийского происхождения [35, р. 3]. Автор отмечает более рациональное восприятие эпидемии населением ближневосточных государств, обусловленное известностью этого заболевания в регионе, начиная с эпохи раннего средневековья, и относительно высоким уровнем развития местной медицины [35, р. 13]. По его оценке, жертвами «Черной смерти» стали от четверти до трети населения Египта [35, р. 218]. Одним из ключевых демографических последствий эпидемии М. Долс считал сокращение численности населения крупных городов, вызвавшее негативные последствия для внутренней и международной торговли [35, р. 169–185]. По его мнению, пандемия середины XIV в. положила начало серии эпидемий, существенно сокративших население Египта и Сирии, и стала одной из основных причин экономического упадка региона [35, р. 302].

Ключевые проблемы изучения «Черной смерти» в Северной Африке проанализированы в статье Р. Сингера [52, р. 115–123]. Акцентируя внимание на нехватке письменных источников для оценки демографических последствий эпидемии в странах Магриба, автор отмечает необходимость привлечения для решения этого вопроса данных других дисциплин: археологии, палеогенетики, климатологии и экологии чумы [52, р. 119–123].

Приведенный обзор исследований, специально посвященных эпидемии чумы середины XIV в. в Европе, демонстрирует значительную степень изученности этого исторического явления. В научный оборот введен значительный массив письменных источников, освещающих ход пандемии, ее последствия и восприятие современниками. Особую ценность в этом плане имеют работы Р. Хоррокс и Д. Аберта [27, 44]. Относительно подробно реконструированы география распространения эпидемии и хронология ее продвижения по территории континента, оценены демографические, социально-экономические и культурные последствия «Черной смерти» для большинства европейских государств. Накопленные исследователями данные обобщены в фундаментальном исследовании У. Бенедиктова [29].

Тем не менее, в историографии «Черной смерти» сохраняется ряд пока нерешенных проблем. Во-первых, в специальной литературе не сформировалось общепринятое значение термина «Черная смерть». Большинство исследователей обозначает этим понятием пандемию чумы 1346–1352 гг. [60, р. 6; 35, р. vii; 30, s. 9; 29, р. 3]. Ряд ученых под «Черной смертью» подразумевает не только эпидемию середины XIV в., но и последовавшие за ней локальные вспышки заболевания конца XIV–XV вв [20, 56]. Следуя этой логике, «Черной смертью» можно называть более поздние эпидемии и локальные вспышки чумы, имеющие единого возбудителя – бактерию *Yersenia Pestis*. С нашей точки зрения, для изменения значения устоявшегося термина «Черная смерть» пока нет никаких оснований.

Значительной проблемой историографии эпидемии чумы середины XIV в. является разная степень изученности ее хода и последствий для отдельных стран Европы. Очевидно, этот факт обусловлен разным количеством доступных исследователям письменных источников. Сохранившиеся в отдельных областях Англии, Испании, Италии и Ближнего Востока юридические документы и налоговые реестры позволяют с большей степенью достоверности оценить демографические и социально-экономические последствия эпидемии для этих регионов. В то же время для аналогичной оценки ситуации во Франции, Германии, Византии, странах Северной Африки имеющихся письменных источников недостаточно.

Прямым следствием неравномерного распределения письменных источников является следующая проблема изучения «Черной смерти» – относительно низкая степень достоверности подсчетов уровня смертности населения. Отсутствие практики всеобщих переписей в средние века не позволяет полностью и объективно оценить демографические потери европейских государств. У. Бенедиктов аргументировано показал, что даже в регионах, где сохранились списки налогоплательщиков, эти подсчеты носят достаточно условный характер [29].

Потенциальным источником более объективных данных об уровне смертности в период «Черной смерти» могут стать результаты археологических исследований средневековых кладбищ. Попытки использования материалов раскопок для оценки количества жертв эпидемии достаточно редки. Кроме того, такая методика имеет свои сложности. Чума является быстротекущим заболеванием, не оставляющим следов на костной ткани [1, с. 7]. Поэтому, фиксация факта смерти от чумы конкретного индивида возможна лишь при условии проведения анализа ДНК. Примером подобных исследований являются работы, проводившиеся в Барселоне, Эльвангене и Болгаре под эгидой Института истории человечества Макса Планка (г. Йена, Германия) при участии Лаборатории палеоантропологии и палеогенетики Казанского федерального университета. В рамках проекта были взяты 223 пробы из зубов, принадлежавших 178 индивидам. Присутствие *Yersenia Pestis* зафиксировано только у 32 индивидов. При этом датировки изученных погребений, полученные методом радиоуглеродного анализа, представляются недостаточно точными для установления их связи с «Черной смертью» [54, р. 875–876].

Список использованных источников и литературы

1. Анисимов А. П. Факторы *Y. pestis*, обеспечивающие циркуляцию и сохранение возбудителя чумы в экосистемах природных очагов. Сообщение 1 // Молекулярная генетика, микробиология и вирусология. – 2002. – № 3. – С. 3–23.
Anisimov A. P. Faktory *Y. pestis*, obespechivayushchie tsirkulyatsiyu i sokhranenie vozбудitelya chumy v ekosistemakh prirodnykh ochagov. Soobshchenie 1 // Molekulyarnaya genetika, mikrobiologiya i virusologiya. – 2002. – № 3. – S. 3–23.
2. Гезер Г. История повальных болезней. – СПб.: Мед. деп. М-ва вн. дел, 1867. – Т. 1–2. – 735 с.
Gezer G. Istoriya poval'nykh boleznei. – SPb.: Med. dep. M-va vn. del, 1867. – Т. 1–2. – 735 s.
3. Герцен А. Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иерономах Матфея // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2003. – Вып. X. – С. 562–589.

Gertsen A.G. Opisanie Mangupa-Feodoro v poeme ieronomonakh Matfeya // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. – 2003. – Выр. X. – S. 562-589.

4. Гринберг М. Последняя осада Кафы (1346–1347) ханом Джанибеком и Черная смерть: к вопросу о достоверности источников и о хронологии // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII – XVI вв.). / Отв. ред. Р. Хаутала; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2018. – С. 75–89.

Grinberg M. Poslednyaya osada Kafy (1346-1347) khanom Dzhanibekom i Chernaya smert': k voprosu o dostovernosti istochnikov i o khronologii // Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.). / Otv. red. R. Khautala; In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. – Kazan', 2018. – S. 75-89.

5. Еманов Е. Г. Великая пандемия середины XIV в. как финал средневековой истории // Вестник Тюменского государственного университета. Серия История. – 2013. – № 2. — С. 49-55.

Emanov E. G. Velikaya pandemiya serediny XIV v. kak final srednevekovoi istorii // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. – 2013. – № 2. — S. 49-55.

6. Измайлов И.Л. «Черная смерть» и кризис в Улусе Джучи: идеальный шторм // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII – XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2018. – С. 23–46.

Izmailov I.L. «Chernaya smert'» i krizis v Uluse Dzhuchi: ideal'nyi shtorm // Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.) / Otv. red. R. Khautala; In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. – Kazan', 2018. – S. 23–46.

7. Карамзин Н. М. История государства Российского. – СПб.: Типография Н. Греча, 1819. – Т. IV. – 555 с.

Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. – SPb.: Tipografiya N. Grecha, 1819. – T. IV. – 555 s.

8. Куш Т. В. Чума в поздней Византии // Византийский временник. – 2008. – Т. 67(92). – С. 38–56.

Kushch T. V. Chuma v pozdnei Vizantii // Vizantiiskii vremennik. – 2008. – T. 67(92). – S. 38–56.

9. Прокопенко С. А. «Чёрная смерть» в историографии: общая характеристика // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2018. – С. 7–17.

Prokopenko S. A. «Chernaya smert'» v istoriografii: obshchaya kharakteristika // Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.) / Otv. red. R. Khautala; In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. – Kazan', 2018. – S. 7–17.

10. Рихтер В. М. История медицины в России. – М.: В Унив. тип., 1814. – Ч. 1. – 440 с.

Rikhter V. M. Istoriya meditsiny v Rossii. – M.: V Univ. tip., 1814. – Ch. 1. – 440 s.

11. Руссев Н. Д. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII – XIV вв. – Кишинев: ВАШ, 1999. – 237 с.

Russev N. D. Na grani mirov i epokh. Goroda nizovii Dunaya i Dnestra v kontse XIII – XIV vv. – Kishinev: VASh, 1999. – 237 s.

12. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – СПб.: Изд. Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1851–1879. – Кн. 1. – Т.1–5. – 1726 с.

Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. – SPb.: Izdanie Vysochaishe utverzhdennogo Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1851-1879. – Kn. 1. – T.1-5. – 1726 s.

13. Хайдаров Т. Ф. Эпидемия чумы в XIII–XIV веках и её последствия // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2018. – С. 47–62.

Khaidarov T. F. Epidemiya chумы v XIII–XIV vekakh i ee posledstviya // Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.) / Otv. red. R. Khautala. – Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. – S. 47–62.

14. Хайдаров Т. Ф., Долбин Д. А. Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и ее последствия // Золотоордынское обозрение. – 2014. – № 3. – С. 96–112.

- Khaidarov T. F., Dolbin D. A. Vtoraya pandemiya chumy v Zolotoi Orde i ee posledstviya // Zolotoordynskoe obozrenie. – 2014. – № 3. – С. 96–112.
15. Хайдаров Т. Ф., Долбин Д. А. Западные исследователи о средневековой чуме в России // Золотоордынская цивилизация. – 2017. – № 10. – С. 409–414.
- Khaidarov T. F., Dolbin D. A. Zapadnye issledovateli o srednevekovoi chume v Rossii // Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. – 2017. – № 10. – С. 409–414.
16. Хайдаров Т. Ф. Историография эпидемии «Черной смерти» на территории Улуса Джучи (1814–2016) // Золотоордынское обозрение. – 2017. – Т. 5. – № 1. – С. 164–192.
- Khaidarov T. F. Istoriografiya epidemii «Chernoj smerti» na territorii Ulusa Dzhuchi (1814–2016) // Zolotoordynskoe obozrenie. – 2017. – Т. 5. – № 1. – С. 164–192.
17. Хайдаров Т. Ф. Латинские и арабские источники об эпидемии чумы в Крыму в 1346–1347 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – 2016. – Т. 2(68). – № 4. – С. 128–132.
- Hajdarov T. F. Latinskie i arabskie istochniki ob jepidemii chumy v Krymu v 1346-1347 gg. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki». – 2016. – Т. 2(68). – № 4. – С. 128–132.
18. Хайдаров Т. Ф. Русские летописи как источник по эпидемии чумы в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. – 2016. – № 9. – С. 96–101.
- Khaidarov T.F. Russkie letopisi kak istochnik po epidemii chumy v Zolotoi Orde // Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. – 2016. – № 9. – С. 96–101.
19. Хайдаров Т. Ф., Долбин Д. А. Теоретические аспекты осмысления второй пандемии чумы («Черной смерти») на территориях Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. – 2018. – Т. 6. – № 2. С. 264–282.
- Khaidarov T. F., Dolbin D. A. Teoreticheskie aspekty osmysleniya vtoroi pandemii chumy («Chernoj smerti») na territoriyakh Ulusa Dzhuchi // Zolotoordynskoe obozrenie. – 2018. – Т. 6. – № 2. С. 264–282.
20. Хайдаров Т. Ф. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). – Казань: Издательство Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 304 с.
- Khaidarov T. F. Epokha «Chernoj smerti» v Zolotoi Orde i prilegayushchikh regionakh (konets XIII – pervaya polovina XV vv.). – Kazan': Izdatel'stvo Instituta istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. – 304 s.
21. Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Черной смерти» в Крыму (вторая половина XIV – первая половина XV вв.) // Крымское историческое обозрение. – 2016. – № 2. – С. 87–98.
- Khaidarov T.F. Epokha «Chernoj smerti» v Krymu (vtoraya polovina XIV – pervaya polovina XV vv.) // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. – 2016. – № 2. – С. 87–98.
22. Шамильоглу Ю. Влияние Черной смерти на Золотую Орду: политика, экономика, общество и цивилизация // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2016. – С. 670–694.
- Shamil'oglu Ju. Vlijanie Chernoj smerti na Zolotuju Ordu: politika, jekonomika, obshhestvo i civilizacija // Zolotaja Orda v mirovoj istorii / Otv. red. I. Mirgaleev, R. Hautalo; In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. – Kazan', 2016. – С. 670–694.
23. Шамильоглу Ю. // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2018. – С. 20–22.
- Shamil'oglu Yu. // Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.) / Otv. red. R. Khautila; In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. – Kazan', 2018. – С. 20–22.
24. Шафонский А. Ф. Описание моровой язвы бывшей въ столичномъ городе Москве съ 1770 по 1772 годъ, съ приложениемъ всехъ для прекращенія оной тогда установленныхъ учреждений по всевысочайшему напечатаному. – М.: при Имп. ун-те., 1775. – 655 с.
- Shafonskii A. F. Opisanie morovoi yazvy byvshei v «stolichnom» gorode Moskve s «1770 po 1772 god», s «prilozheniem vsekh» dlya prekrashcheniya onoi togda ustanovlennykh" uchrezhdenii po vsevysochaishemu napechatanomu. – М.: pri Imp. un-te., 1775. – 655 с.

25. Эйгер Я. Б. История и современное состояние вопроса о бубонной чуме. – СПб.: Практическая медицина, 1897. – 74 с.
- Eiger Ya. B. Istoriya i sovremennoe sostoyanie voprosa o bubonnoi chume. – SPb.: Prakticheskaya meditsina, 1897. – 74 s.
26. Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII – XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2018. – 284 с.
- Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII – XVI vv.) / Отв. ред. R. Khaotala; In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. – Kazan', 2018. – 284 s.
27. Abert J. The Black Death. The Great Mortality of 1348–1350. A Brief History with Documents. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 394 p.
28. Abert J. The Black Death: A New History of the Great Mortality in Europe, 1347–1500. – New York: Oxford University Press, 2020. – 416 p.
29. Benedictow O. J. The Black Death 1346–1352: the complete history. – Woodbridge: The Boydell Press, 2004. – 433 p.
30. Bergdolt K. Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters. – Muenchen: C. H. Beck, 2000. – 272 s.
31. Biraben J. N. Les hommes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranéens. – La Haye: Mouton, 1975. – 455 p.
32. Borsh S. J. The Black Death in Egypt and England: A Comparative Study. – Austin: University of Texas Press, 2005. – 195 p.
33. Bowsky W. M. The Impact of the Black Death upon Siene Government and Society // Speculum. – 1964. – Vol. XXXIX. – P. 1–34.
34. Caffero W. Petrarch's War Florence and the Black Death in Context. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 228 p.
35. Dols M.W. The black death in the Middle East. – New Jersey: Princeton University Press, 1977. – 390 p.
36. Dufourcq C. E. Les relations de la Péninsule Ibérique et l'Afrique du Nord au XIV siècle // Anuario de estudios medievales. – 1970-1971. – № 7. – P. 39–66.
37. Falsini A. B. Firenze dopo il 1348. Le conseguenze della peste near // Archivio Storico Italiano. – Firenze, 1971. – P. 425–496.
38. Fontes J. T. Tres epidemias de peste en Murcia en el siglo XIV // Real Academia Alfonso X el Sabio. – Murcia: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Murcia, 1981. – P. 123–161.
39. Franko G. N. La Peste Negra en la Península Ibérica durante la Baja Edad Media. – Zaragoza, Universidad de Zaragoza Repository, 2016. – 59 p.
40. Fuente M. J. El impacto de la peste en una ciudad castellana en la Baja edad Media Palencia // Publicaciones de la Institución Tello Téllez de Meneses. – 1988. – № 59. – P. 415–432.
41. Harrison D. Stora Döden: Den Värsta Katastrof Som Drabbat Europa. – Stockholm: Ordfront, 2000. – 480 p.
42. Henschel A. W. Document zur Geschichte des Schwarzen Todes // Archiv für die gesamte Medizin. – 1841. – B. 1. – S. 45–57.
43. Hirsh A.M. Mittheilungen über die Pest-Epidemie im Winter 1878-1879 im russischen Gouvernement Astrachan. – Berlin: C. Heymann, 1880. – 118 p.
44. Horrox R. The Black Death. – Manchester: Manchester University Press, 1995. – 354 p.
45. Jedwab R., Johnson N., Koyama M. Pandemic, Places, and Populations: Evidence from the Black Death // CESifo Working Papers Munich. – 2019. – № 7524. – 69 p.
46. Loizaga S.R. La Peste en Los Reinos Peninsulares según. documentación del archivo vaticano (1348–1460). – Bilbao: Saturnino Ruiz de Loizaga, 2009. – 125 p.
47. Monteano P. J La Peste Negra en Navarra La catástrofe demográfica de 1347–1349 // Príncipe de Viana. – 2001. – № 222. – P. 87–120.
48. Nogal C. A., L. P. Escosura, C. Caballero Economic effects of the Black Death: Spain in European perspective // Investigaciones de Historia Económica. – 2020. – Vol. 16. – P. 35–48.

49. Palmer R. C. English Law in the Age of the Black Death, 1348-1381: A Transformation of Governance and Law Studies in Legal History. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1993. – 452 p.
50. Panta L. Le epidemie nella storia demografica italiana (secoli XIV-XIX). – Torino: Loescher, 1980. – 248 p.
51. Shamiloglu U. The Rise of the Ottoman Empire: The Black Death in Medieval Anatolia and its Impact on Turkish Civilization // Views from the edge: essays in honor of Richard W. Bulliet. – New York: Columbia University Press, 2004. – P. 262–266.
52. Singer R. The Black Death in the Maghreb // Journal of Medieval Worlds. – 2020. – № 3–4. – Vol. 2. – P. 115–123.
53. Sloane B. The Black Death in London. – Austin: The History Press, 2013. – 224 p.
54. Spyrou M. A., Tukhbatova R. I., Feldman M., Drath J., Kacki S., Beltra' n de Heredia J., Arnold S., Sitdikov A. G., Castex D., Wahl J., Gazimzyanov I. R., Nurgaliev D. K., Herbig A., Bos K. I., Krause J. Historical Y. pestis Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics // Cell Host & Microbe. – 2016. – № 19. – p. 874–881.
55. Tononi A. G. La Peste Dell' Anno 1348 // Giornale ligustico de archeologia, storia e letteratura. – Genova, 1884. – Vol. XI. – P. 139–152.
56. Tsiamis C., Poulakou-Rebelakou E., Tsakris A., Petridou E. Epidemic waves of the Black Death in the Byzantine Empire (1347–1453 AD) // Le Infezioni in Medicina. – 2011. – №. 3. – P. 193–201.
57. Ubieto A. A. Cronologia del desarrollo del la peste negra en la Peninsula Iberica // Cuadernos de historia. Anexos de la revista Hispana. – 1975. – Vol. 5. – P. 47–66.
58. Wheelis M. Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa // Historical review. – Torrance, 2002. – Vol. 8. – № 9. – P. 971–975.
59. Zabalo F. J. Algunos datos sobre la regresión demográfica causada por la peste en la Navarra del siglo XIV // Miscelánea José María Lacarra. – 1968. – V. 5. – P. 485–491.
60. Ziegler Ph. The Black Death. – London: Harper Collins, 1969. – 330 p.
61. Ziegler Ph. The Black Death. – Wolfeboro: Alan Sutton, 1991. – 249 p.

Kolganova V. A. The plague pandemic of the middle of the XIV century in Europe: actual problems of modern historiography.

The «Black Death» is a plague pandemic that swept Europe in the period from 1346–1352. The main task of the study was the historiographical analysis of the scientific literature devoted to this historical phenomenon, as well as the identification of topical problems of its study. The analyzed works are classified into two groups. The first category consists of natural science research, primarily medical research. The second group includes monographs and scientific articles of historical orientation. The latter, in turn, are divided into generalizing studies and works of a regional nature. Historiographical analysis allowed us to identify a number of unresolved issues in the study of the mid-XIV century pandemic. Firstly, the generally accepted meaning of the term «Black Death» has not yet been formed in the specialized literature. The next problem is the uneven degree of study in different regions of Europe, Asia and North Africa, associated with a shortage of written sources. A direct consequence of this problem is the low degree of reliability of the calculations of the number of victims of the «Black Death» in certain regions. A potential source of objective data on the mortality rate could be archaeological studies of medieval cemeteries, however, this group of materials at the current stage of pandemic research is at the accumulation stage.

Keywords: Europe, XIV century, «Black Death», pandemic, historiography.